

ИНСТИТУТ НАСЛЕДИЯ

НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

*Информационный сборник
Выпуск № 9*

Москва
2002

Министерство культуры Российской Федерации
Российская академия наук
Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия
имени Д.С. Лихачёва

НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Информационный сборник

Выпуск № 9

Москва

2002

ББК 79.0

Н-31

Научный редактор *П.М. Шульгин*

Коллектив авторов: *Н.В. Вехов, К.Г. Головкин, Н.И. Завьялова, О.А. Лавренова, Н.А. Петунова, Е.Н. Соколова, С.Г. Софронов, С.Д. Сыртыпова, М.Д. Юмжапова*

Наследие и современность: Информационный сборник. Вып. 9. М.:
Институт Наследия, 2002. - 197 с.: с илл. ISBN 5-86443-076-5

Очередной выпуск из серии сборников, посвященных изучению различных аспектов историко-культурного и природного наследия. Основное внимание в нем сосредоточено на проблемах, связанных с сохранением духовного, религиозного, наследия. Публикуется обзор законодательных и нормативных актов Российской Федерации о передаче недвижимого имущества культового назначения конфессиональным объединениям. Исследуются территориальные проблемы формирования системы православных святынь, приведены материалы по освоению православной церковью Русского Севера. Рассмотрены вопросы сохранения памятников в их ландшафтном окружении (на примере бурятских и православных монастырей).

ISBN 5-86443-076-5

© Российский научно-исследовательский
институт культурного и природного наследия
имени Д.С. Лихачёва, 2002

САКРАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА ПРОСТРАНСТВА

Существование культуры в географическом пространстве выражается, прежде всего, в его осмыслении и осмыслении своего места в нем. В соответствии с концепцией культурного ландшафта, географической реальностью особого рода признается осмысление географического пространства культурой, которое имеет много уровней — от ассоциативного до сакрального. Географическое пространство по мере его осмысления становится тотально-ментальным, где представление о географическом пространстве превращается в само географическое пространство (1).

Осмысление пространства культурой, в результате которого складываются устойчивые представления о географических объектах, неотделимо от процесса символизирования среды, неотъемлемо присущего человеческому сознанию. Поэтому существование культуры в географическом пространстве связано с означиванием его элементов. Здесь основным агентом выступает так называемое “коллективное сознание” или “ментальность”, понятия широко используемые исторической антропологией и вполне применимые к культуре в ее информационных взаимоотношениях с пространством. Осмысление географического пространства культурой сравнимо с его освоением, так как способствует упорядочиванию мира, превращению дикой, неконтролируемой среды в знаковую систему, где та же фактическая неконтролируемость превращается в знак, обретает свое фиксированное место в картине мира, становится подконтрольной на смысловом уровне.

Географические объекты становятся символами в том случае, если в культуре существуют устойчивые ассоциации с определенными историческими событиями, артефактами или уникальными чертами природного ландшафта. В этом случае речь идет о несакральной, обыденной, мирской семантике. В случае сакрализации пространства ландшафт или географическое пространство в целом становятся выразителями архетипов человеческого сознания. Один из наиболее распространенных методов их изучения географией — через семантику языка, литературу, фольклор, так как именно в языке наиболее ярко отражаются основные архетипы и их соотнесение с географическим пространством и природным ландшафтом.

Образ места и его значение в культурном ландшафте

Устойчивые представления о географическом объекте, локальности, элементе ландшафта, существующие в общественном сознании и/или зафиксированные в художественных произведениях, обозначаются как **образ места** и становятся, в свою очередь, неотъемлемой частью культурного ландшафта (2). Образ места, смысл места (*sense of place* — в соответствии с принятой в зарубежной науке терминологией) включает в себя визуальные и эстетические характеристики места, его эмоциональное воздействие, его символику (3). Образ места необычайно значим как явление, так как неповторимый узор смыслов, имеющих свои координаты в географическом пространстве, создает в конечном итоге структуру культурного ландшафта страны. В результате пространство провинции, представляющее собой антитезу и смысловой фон для столичных городов, при внимательном рассмотрении оказывается уникальным в каждой своей единице и не требующим противопоставления столице для его культурной идентификации.

Культурному ландшафту присущ принцип иерархичности и полимасштабности, последняя уходит корнями в архаические глубины взаимоотношения культуры и пространства, в “этномифологическую организацию пространства” (4). “Принцип полимасштабности пространства заключается в усложненности и способности к переорганизации, что является прямым следствием рассмотрения данного пространства с различных “точек зрения” (внутренних и внешних). Это означает, что одно и то же место в локальном, региональном, общерусском и прочих масштабах будет наделяться различными оценочными смыслами” (5). Базируясь на принципе полимасштабности с равной степенью уверенности можно говорить о культурном ландшафте города, районов различного ранга, страны. На каждом из этих уровней будут появляться свои смысловые нюансы культурно-географической информации. Соответственно, образ одного и того же места будет варьироваться по мере “приближения” к нему — от национального уровня к локальному. Или, по мере “удаления”, может растворяться в образе более крупных территорий, исчезать в соотнесении с местами более яркими и значимыми в культуре и истории страны.

Осмысление пространства культурой связано с рождением многоуровневых географических образов — от образа мира до образа места. Субъек-

тивная разнородность мира возникает не только из объективной его разнородности, но и благодаря неравномерному осмыслению его объектов ментальностью национальной культуры. Существуют довольно много мест вне и даже внутри территориальных границ национальной культуры, незначимых для нее. Географические объекты и элементы ландшафта становятся символами в том случае, если в культуре существуют устойчивые ассоциации с судьбоносными историческими событиями, артефактами или уникальными чертами природного ландшафта. В символы превращается национальная история, запечатленная в культурном ландшафте страны. “Символы-мотивации — это, как правило, ландшафтные знаки этнической целостности, воспринятой в виде судьбы этноса. Такими для русских река Волга, Куликово поле, Бородино, сыра мать-земля, по которой ходили Богоматерь и Андрей Первозванный” (6). В случае актуализации архаического и религиозно-мифологического пластов культуры географические объекты, локальности, элементы ландшафтов, географическое пространство в целом становятся выразителями архетипов человеческого сознания.

Таким образом, культура, существующая на земной поверхности, неизбежно символизирует среду своей жизнедеятельности (7). Географическое пространство естественным образом включается в семиосферу (8) — семиотическое пространство культуры, “внутри которого единственно возможны семиотические процессы” (9).

Информационный характер образа места позволяет говорить о культурном ландшафте как знаковой системе, благодаря чему провинциальное пространство можно рассматривать во всем богатстве и уникальности его локальных смыслов и взаимосвязей между ними. Топонимы и собственно географические локусы в такой системе выступают в роли знаков, образы — в роли означаемых. В зависимости от смыслового содержания знаки-топонимы могут быть символическими, иконическими и индексальными (в роли знака выступают в двух последних случаях преимущественно собственно географические объекты, а не их имена).

Наиболее значимы в национальной и мировой культуре символично-индексальные знаки, в которых место, его визуальные, событийные, исторические характеристики оказываются неразрывно связанными с местом и его топонимом. Чаще всего такими сложными знаковыми образованиями предстают

города. Город сам по себе является символом комплексного общества (10), в нем оказываются слиты воедино социо-культурные и архитектурные особенности, обычно ассоциативно присутствующие при упоминании его имени. В столичных городах это свойство выражено наиболее ярко. “На уровне крайней абстракции вся комплексность города может быть заключена в имени как таковом — например, Рим; или в монументе, строении, таком, как Эйфелева башня, архитектурных элементах, таких, как небоскребы Нью-Йорка, в лозунге или кличке” (11). В русской культуре Москва обычно символизирует душу России (символьность знака), идеи ее азиатскости (индексальность знака — неевропейская форма застройки и т.п.). Рим — символ европейской средиземноморской культуры (символьность) и выразитель идеи католичества (индексальность). Провинциальные города выступают в таком качестве значительно реже, как, например, Измаил, Нарва, Порт-Артур и другие города, символизирующие события военной истории, города Золотого Кольца, ассоциирующиеся с историей Древней Руси и соответствующей архитектурой.

Символьные знаки — реки и их топонимы, так как причинно-следственные связи между ними и их значением в культуре более слабые, чем в случае топонимов городов. Например, в русской поэтической культуре XVIII - начала XX века великие сибирские реки — символ потенциальной мощи российской державы и российского духа, Нева — “столичная” река, символ государственности (в русской поэзии по отношению к ней используются такие определения, как “державная”, “царственная”) (12).

Иконические знаки достаточно редки, так как для использования географического объекта в таком качестве он должен обладать ярко выраженными собственными физиогномическими характеристиками, значимыми в семиосфере культуры. Например, иконическим знаком в русской культуре можно считать Урал (Рифей), имеющий значение рубежа, границы. Меридиональная протяженность и горный рельеф, положение между староосвоенным культурным пространством и сравнительно недавно колонизированными пространствами Сибири, относительная труднодоступность вплоть до начала XIX столетия — эти черты, присущие Уралу, сыграли свою роль в их использовании в качестве иконического знака.

Если рассматривать только ту информацию о географических объектах, которая превращает их в знаки, читаемые в пределах семиосферы

мировой культуры, то земная поверхность предстанет как пространственно-семантическая сеть. Узлами такой сети станут города, реки, горные вершины и горные цепи, наполненные историей, смыслами и идеалами человечества. Некоторые из них настолько значительны в событийной и мифологической истории человечества, что представляются географическими “проекциями” запредельных, Божественных архетипов. Этими значениями и занимается сакральная география.

Образ мира: сакрализация географического пространства

Как полагает современная антропология, изначальным организующим фактором семиотики пространства являлось осознание Божественного закона, имеющего разную форму выражения в различных культурах. В результате складывалось символическое понимание пространства, когда карта мира становилась своеобразной иконой, отражающей традиционное мирозерцание и различными своими частями выражающей на плоскости “вертикальные” слои мироздания. С эпохой великих географических открытий в европейских культурах начался процесс накопления реальных знаний о географическом пространстве, вытеснивших иконографичность представлений о мире. Но остались символические значения отдельных географических объектов и территорий, в какой-то степени сохраняющие память о мире-иконе, хотя в современном мире наиболее значительными становятся взаимоотношения между культурами и геополитика.

Превращение среды в знаковую систему, где в роли знака выступают географические объекты или элементы культурного ландшафта, а в роли означаемого — архетипы и соответствующие символы, создает религиозно-мифологическую, или сакральную, географию. В традиционной картине мира география “характеризуется не чисто географическими координатами, — она насыщена эмоциональным и религиозным смыслом, и географическое пространство вместе с тем представляет собой и религиозно-мифологическое пространство” (13). Религиозно-мифологическая география “опирается на весьма архаические пласты мифопоэтического сознания, породившего этноцентрическую модель мира, которая одновременно является и конфессиональной картиной мира. В центр ее помещают себя создатели космологической схемы” (14). Такую картину мира иногда обозначают как “этномифологичес-

кую организацию пространства” (15). Каждый из культурных центров или даже достаточно однородный культурный район, вроде Севера Европейской России, может рассматриваться в качестве исходной точки зрения в центрированной (или “этноцентрической”) картине мира. В этом случае изучается целостная картина мира, созданная определенным социумом, ее статичное состояние, но с исследованием глубинных архетипных и религиозно-мифологических корней. При этом антропологические и этнологические методы исследования вполне могут быть привнесены в географию (например, монография Н.М. Терехина (16), посвященная сакральной географии русского севера, вполне может рассматриваться как культурно-географическая работа).

Несмотря на то, что образ мира в современной мировой культуре сформирован преимущественно естественнонаучной парадигмой, сквозь нее в той или иной мере “просматривается” изначальная религиозно-мифологическая картина мира. Основой религиозно-мифологического образа мира является космогония, примененная к реальному географическому пространству. В структуре мира отражаются основные онтологические и космологические категории, благодаря чему, в зависимости от различных аспектов мировоззрения, либо все пространство становится священным, либо происходит разрыв, разделение мира на священное и мирское. С одной стороны, если представление о мире проистекает из священных текстов Библии, постулирующих тварность мира и всемогущество Бога, географическое пространство как таковое становится манифестацией Божественной воли. В раннехристианской картине мира Земля, элементы ландшафта рассматривались как сотворенные Богом. В контексте подобного мировосприятия в реальных предметах и явлениях осуществляется и претворяется Божественный замысел, который и составляет их сокровенный смысл (17).

Разделение мира на сакральный и мирской проистекает из того же религиозного мировосприятия. “Для религиозного человека *пространство неоднородно*: в нем много разрывов, разломов, одни части пространства существенно отличаются от других” (18). Картина мира разделяется на две основные категории — Космос и Хаос, воплощенные в реальном географическом пространстве. “Проявление священного онтологически сотворяет мир. В однородном и бесконечном пространстве, где никакой ориентир невозможен, где нельзя *сориентироваться*, иерофания (19) обнаруживает абсолютную “точку отсчета”, некий “Центр” (20). Если

семиотически упорядоченное пространство становится обжитым, то на уровне религиозно-мифологической картины мира такое упорядочивание носит более глубокий смысл — космоизации пространства. “...Космизация неведомых земель — это всегда освящение: когда люди организуют пространство, им примером служат деяния богов” (21).

В этномифологической картине мира категории Космоса и Хаоса создают центрированную организацию религиозно-мифологического пространства, где Космос соответствует Центру мира. Всеобщие бинарные оппозиции (Жизнь — Смерть, Космос — Хаос), свойственны как архаическому мышлению, так и современному — в редуцированном виде. При восприятии географического пространства они проявляются в виде этноцентризма и оппозиций: свое — чужое пространство, упорядоченное — хаотичное пространство, центр — край земли, ось мира — инициатическое пространство смерти. При этом пространства и ландшафты, символизирующие Космос, Центр мира, Небесную ось, существуют в культуре латентно и актуализируются только посредством духовного опыта. Множество людей живет в городах, являющихся символами мироздания в мировой культуре, не ощущая этой значимости. Напротив, проявления категорий Хаоса, Смерти в пространстве, даже в обыденной культуре остаются значимыми. Это объясняется тем, что подобную символику обретают преимущественно те участки земной поверхности, которые по тем или иным причинам являются источником уникального опыта, активизирующим в человеке резервные духовные и душевные силы. Поэтому категории Хаоса и Смерти по отношению к пространству воспринимаются скорее не как зона небытия, но именно как инициатическое пространство, подготавливающее возвращение человека в “землю обетованную” в ином качестве.

Философские аспекты пространства смерти и вечной жизни, основанные на христианском мировоззрении, получили наибольшее развитие в работах Н.Ф. Федорова, философа-космиста Серебряного века. Его произведения интересны именно тем, как в современной научно-технической ментальности репродуцируются и развиваются трансцендентные понятия православия по отношению к пространству. Н.Ф. Федоров в своих работах (22) поднимал вопрос значения для человека вертикальной и горизонтальной пространственной оси (и соотношения их с земной повер-

ные погреба, конный двор с кузницей, гостиничный флигель, здание старой гостиницы). Министерству культуры и другим заинтересованным министерствам и ведомствам предписывалось решить совместно с Русской Православной Церковью (Московским Патриархатом) вопрос "... о совместном с Русской православной церковью использовании до 2001 года зданий и сооружений архитектурного ансамбля Троице-Сергиевой Лавры и иного имущества, которое находится в оперативном управлении Сергиево-Посадского историко-художественного музея, обеспечивающем доступ к объектам историко-культурного наследия и художественным ценностям общероссийского значения туристов, экскурсантов, всех граждан". Министерству культуры и администрации Московской области было предложено в 6-месячный срок разработать предложения по развитию музея как объекта историко-культурного наследия общероссийского значения.

Несмотря на это есть, очевидно, основания предполагать, что после окончательного выдворения с территории Лавры в 2001 году, музей, приобретший широкую популярность именно благодаря расположению на территории Троице-Сергиевой Лавры с ее уникальными историческими, архитектурными и художественными памятниками и имеющим мировое значение музейным собранием, может, невзирая на свой высокий статус объекта национального культурного наследия Российской Федерации, превратиться в заурядный районный краеведческий музей. Уже сейчас музей лишен возможности вести самостоятельную экскурсионную работу на территории монастыря и практически отстранен от контроля за состоянием и ходом ремонтно-реставрационных работ по памятникам Лавры.

В аналогичную ситуацию попал и один из крупнейших музеев Московской области — историко-архитектурный и художественный музей "Новый Иерусалим", бывший когда-то одним из наиболее популярных и посещаемых культурных центров Подмосковья. Архитектурный комплекс Воскресенского Новоиерусалимского монастыря в соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 9 октября 1995 г. № 1380-р. также передается Церкви.

Распоряжением Президента Российской Федерации от 14 декабря 1994 г. № 632-рп Русской Православной Церкви в бессрочное безвозмездное пользование передан комплекс Высоко-Петровского монастыря

в Москве. И здесь возникло множество трудностей, поскольку в монастырских зданиях и сооружениях размещаются Государственный литературный музей, музейно-выставочный центр "РОСИЗО", Государственный академический хореографический ансамбль "Березка".

В сложной ситуации оказались не только учреждения культуры, помещения которых были переданы правительственными или президентскими актами. Всероссийский художественный научно-реставрационный центр имени академика И.Э. Грабаря, например, усиленно вытесняется религиозными общинами из занимаемых им строений Марфо-Мариинской обители, церкви Вознесения в Кадашах и церкви св. Екатерины в Москве. До сих пор Центру, который, кстати говоря, много и плодотворно занимается реставрацией икон и церковной утвари, не предложено никаких равноценных помещений для его перебазирования.

Таким образом, можно с полным основанием констатировать, что процесс передачи культовых памятников религиозным организациям весьма негативно повлиял на сложившуюся сеть учреждений культуры. Однако влияние этого процесса на судьбу памятников религиозной архитектуры как составной части архитектурного наследия России весьма неоднозначно. Хорошо известно, что в советское время подавляющее большинство таких памятников находилось в крайне неудовлетворительном состоянии. В условиях монополии государственной идеологии атеизма, когда вопрос об их использовании по первоначальному назначению вообще не стоял, при крайне скудном финансировании охраны культурного наследия, слабости реставрационных организаций, колоссальных расстояниях и отсутствии дорог иного положения просто не могло быть. Органы культуры использовали в то время все возможности для спасения наиболее ценных памятников. Для этого создавались музеи под открытым небом, куда свозились памятники деревянного зодчества, в том числе церкви и часовни. На базе ценнейших архитектурных комплексов создавались историко-архитектурные и художественные музеи-заповедники. Наконец, отдельные церковные здания приспособлялись под музеи, концертные залы и другие учреждения культуры. Часть церквей, монастырей и других объектов подобного рода, особенно в сельской местности и малых городах, использовались как склады и производственные помещения, а чаще всего оставались бесхозными и были обречены на постепенное разруше-

ние. За последние десять лет в условиях развивающегося экономического кризиса в России ситуация еще более усугубилась. Поэтому следует признать, что передача памятников верующим в определенной мере должна способствовать сохранению значительной части культовой архитектуры, поскольку многие памятники обрели традиционных хозяев и могут быть сохранены, хотя бы и с перестройками, переделками, искажениями и отдельными утратами, неизбежными из-за ограниченных возможностей воздействия государственных органов охраны памятников на новых пользователей.

Как ни парадоксально, в процессе передачи в первую очередь пострадали те самые организации культуры, трудами и заботами которых сохранялись и восстанавливались памятники. Ведь именно на эти, находившиеся в должном состоянии объекты, притязания Церкви по вполне понятным причинам были направлены в первую очередь. И судьба таких памятников, представляющих, как правило, наиболее яркие произведения национального зодчества, вызывает самые серьезные опасения, так как вопрос об их дальнейшем использовании постоянно порождает конфликтные ситуации. И они далеко не всегда разрешаются в пользу науки и культуры. «Первая сфера клерикальных притязаний — культура. В практическом плане в сфере культуры происходит ничем не оправданная передача произведений, являющих собою сокровищницу мировой культуры, церквам. Следует отметить, что подобные явления в целом противоречат мировой практике... и в современных цивилизованных государствах все ценнейшие предметы культуры церкви отдают музеям. К тому же Церковь попросту не может обеспечить надлежащую сохранность передаваемых ей... ценностей, на что указывают многие видные деятели российской культуры» (11). Серьезные опасения вызывает судьба уникальных фресок XII в. Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря (1138-1142 гг.) и фресок собора Рождества Богородицы Снегогорского монастыря с фресками 1313 г. в Пскове. Не прекращается конфликт вокруг собора Рождества Богородицы в новгородском Антониевом монастыре (1117-1119 гг.) с фресками 1125 г. Уже ведутся ежедневные богослужения в Успенском соборе Тихвинского монастыря XVI в. со стенописью XVII-XVIII вв., которая также нуждается в особом режиме музейного хранения и проведении реставрационных работ.

Практика наглядно показывает, что в храмах, где проводятся богослужения, потребность в расчистке и реставрации росписей и икон возникает через каждые 6-8 лет. При этом любая реставрация постепенно приводит к утрате подлинности. Тем не менее, религиозные объединения настаивают на передаче уникальных объектов для канонического использования без всяких ограничений, хотя, казалось бы, и Церковь не в последнюю очередь должна быть заинтересована в вечном сохранении подобных памятников — бесценных реликвий православия.

Около 95% всех имеющихся в России храмов — памятников культовой архитектуры могут быть переданы (и передаются) религиозным организациям, и лишь около 60 объектов вошли в перечень памятников мирового значения, особенно чувствительных к изменениям окружающей среды. Зачастую такие памятники имеют уникальные росписи и требуют особого, музейного режима хранения. Этот перечень был подготовлен по заданию Министерства культуры России крупнейшими специалистами — архитекторами, искусствоведами и реставраторами. В целях сохранения уникальных памятников необходимо утвердить распорядительным актом Правительства список таких памятников, не подлежащих использованию по первоначальному назначению.

Проблема государственно-церковных отношений в сфере охраны культурного наследия, возникшая в наше время, отнюдь не нова и достаточно остро стояла еще в царской России. Об этом свидетельствует острая дискуссия, разгоревшаяся в начале века в связи с предполагавшимся принятием законодательного акта об охране памятников. Уже тогда научная общественность обращала самое серьезное внимание на тот факт, что использование культовых зданий Церковью далеко не всегда гарантирует их сохранность как объектов культурного наследия.

В 1911 г. специальная междудеятельственная комиссия при Министерстве внутренних дел подготовила проект Положения об охране древностей. Святейший Синод приложил максимум усилий, чтобы вывести охрану церковных памятников из-под юрисдикции государства, и вполне преуспел в этом. В окончательном варианте проекта Положения, который был вынесен на обсуждение всеми заинтересованными общественными организациями, предлагалась следующая формулировка: “На церкви, часовни и вообще священные предметы церковной старины, поскольку таковые представляют собою пред-

меты религиозного почитания и служат для удовлетворения религиозных потребностей или состоят в обиходе церковного богослужения, непосредственная охрана коих лежит на обязанности православной церкви, действие сего Положения распространяется в особом порядке...” (12). Охрана таких памятников практически отдавалась на “уважение святейшего Синода” (13), что и вызвало активный протест научной и художественной общественности России. Всероссийский съезд художников в своем заключении отмечал: “Передача, как это предполагается законопроектом, охраны сих предметов [памятников старины и произведений искусства, находящихся в ведении св. Синода ввиду особого церковно-служебного их значения] в руки учреждений и лиц, наименее сведующих в оберегании их, конечно, даст одни отрицательные результаты. < ... > местное духовное начальство, как это показывают многочисленные примеры прошлого, часто преследуют цели, хотя и важные для него, но находящиеся в разительном противоречии с необходимостью блюсти памятники старины и произведения искусства. Следует поэтому отнестись отрицательно, ввиду особой важности церковной старины нашей, к изъятию из общего порядка памятников старины, находящихся в ведении св. Синода” (14).

Московское археологическое общество, указывая, что “...борьба за сохранение памятников родной старины ведется главным образом с учреждениями и лицами, в ведении которых находится церковная старина”, признало неприемлемым “стремление передать охрану памятников на местах духовному ведомству, наиболее заинтересованному в том, чтобы научные интересы не мешали интересам практическим, а потому наименее подходящему для ведения ответственного дела охраны древних памятников от посягательства на них со стороны лиц, ими заведующих” (15).

Еще более определенно высказалось по поводу проекта Положения Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины: “... св. Синод усматривает во всяком вмешательстве светской власти в предмет его ведения посягательство на его духовную власть. Власть эту св. Синод охраняет чрезвычайно ревниво, держась далеко неоправдываемого на деле убеждения, что лучшим охранителем церковной старины являются епархиальные учреждения. Практика показывает, однако, как мало это мнение отвечает истине. Мартиролог отечественных церквей слишком известен, чтобы останавливаться на бесчисленных примерах

самого невежественного пренебрежения и вандализма, допускаемого священниками и епархиальными учреждениями по отношению именно ко вверенной им охране старине. В этом отношении достаточно указать хотя бы на то, что памятник, имеющий не только всероссийское, но даже мировое значение, — храм Василия Блаженного в Москве может со дня на день развалиться, как это подробно доказывает в докладе своем академик-архитектор Суслов” (16).

Тревогу научной и художественной общественности разделяли в то время и правительственные учреждения России. Министр народного просвещения И.Д. Делянов еще в 1887 г. обращаясь в Комитет министров с просьбой о подтверждении указов об охране памятников церковной старины “от истребления, порчи и самовольных переделок” писал: “...не только в отдаленных местностях памятники древнего зодчества подвергаются переделкам и уничтожению, но даже в центральных местностях, вблизи Москвы памятники эти не охраняются как бы следовало” (17), приводя в качестве примера заключение Академии художеств о факте варварских переделок и искажений одного из наиболее выдающихся памятников XVI в. — церкви Иоанна Предтечи в с. Дьяково. В 1910 г. товарищ министра внутренних дел С.К. Крыжановский в письме помощнику управляющего делами Совета министров Н.В. Плеве отмечал: “Исторический ход отдельных мероприятий по охране древних памятников заставляет прийти к заключению, что в данном деле настоятельно необходима прежде всего работа общегосударственная, а не ведомственная. Предполагать же, что таковая общегосударственная работа может быть сосредоточена в ведомстве православного исповедания, нет достаточных оснований. Нельзя также упускать из вида, что весь вопрос о необходимости скорейшего принятия мер к охране древностей возник и развивался преимущественно на почве фактов, свидетельствовавших и, к сожалению, свидетельствующих и поныне о том, что церковные древности гибнут и расхищаются и вообще остаются без должной охраны” (18).

В заключение можно привести и мнение частного лица — графа А.К. Толстого, изложенное им в письме Александру II: “Именно духовенство — отъявленный враг старины, и оно присвоило себе право разрушать то, что ему надлежит охранять, и насколько оно упорно в своем консерватизме, косно по части идей, настолько оно усердствует по части истребления памятников” (19).

Анализируя эти документы, нельзя не прийти к выводу, что ситуация начала века в рассматриваемой сфере поразительно совпадает с положением вещей, сложившимся в его конце. В России фактически отсутствует законодательство об охране культурного наследия. Закон РСФСР 1978 г. безнадежно устарел и ни в коей мере не отвечает реалиям сегодняшнего дня, возникшим в результате коренных перемен в стране. Налицо “изъятие из общего порядка памятников старины”, находящихся в ведении (использовании) Церкви, о чем свидетельствуют хотя бы созданные специально для религиозных организаций “облегченные” варианты охранных документов, предусматривающие “облегченную” ответственность пользователей.

Предостережения научной и художественной общественности об угрозе утраты уникального национального достояния в наше время, когда “...возможности ее на публичное отстаивание и пропаганду своих нерелигиозных взглядов и убеждений практически сведены к нулю” (20), а интересы культуры и науки должны учитываться “по возможности”, просто не могут быть услышаны.

Существует мнение о необходимости принятия специальных нормативных актов Правительства, обязывающих религиозные организации соблюдать правила охраны памятников истории и культуры. Заинтересованность органов, ответственных за сохранение культурного наследия, в выработке хоть какого-то механизма ответственности религиозных организаций вполне понятна, однако представляется, что выработка каких-то особых правил для отдельной группы пользователей есть не что иное, как “изъятие из общего порядка”. С точки зрения охраны культурного наследия всякая религиозная организация, использующая культовый памятник, ничем не должна отличаться от любой другой, использующей объект национального достояния.

Необходимы общие для всех пользователей памятников истории и культуры требования по их сохранению, определяемые Законом и соответствующими подзаконными актами. Единственным исключением для религиозных организаций может быть только принцип бессрочности и безвозмездности использования, однако и здесь понятие “бессрочность” не должно трактоваться как безответственность и безнаказанность. Вытекающие из законодательства требования по сохранению культурного наследия, а также санкции за их неисполнение должны в полной мере распространяться и на религиозные организации. Это было абсолют-

но ясно специалистам еще в начале столетия. Стоит прислушаться к позиции Московского археологического общества, которая актуальна и в конце века: "Памятники эти, и вообще памятники зодчества, нет никаких оснований ставить в особые условия и по отношению к ним не должен быть устанавливаем особый порядок..." (21).

Литература

1. Государственно-церковные отношения в России (опыт прошлого и современное состояние). М., 1996. С. 67, 249.
2. Охрана памятников истории и культуры в России. XVIII - начало XX вв. Сборник документов. М., 1978. С. 111.
3. Российская культура в законодательных и нормативных актах. Музейное дело и охрана памятников. 1991-1996. М., 1998. С. 13-21.
4. Там же. С. 98-101.
5. Там же. Приложение 2.
6. Там же. С. 54.
7. Там же. С. 111-114.
8. Там же. С. 124.
9. Там же. С. 137-138.
10. Государственно-церковные отношения в России (опыт прошлого и современное состояние). М., 1996. С.20.
11. Там же. С. 18.
12. Охрана памятников истории и культуры в России. XVIII - начало XX вв. Сборник документов. М., 1978. С. 254.
13. Там же. С. 260.
14. Охрана памятников истории и культуры в России. XVIII - начале XX вв., Сборник документов. М., 1978. С.269, 270.
15. Там же. С. 296, 298.
16. Охрана памятников истории и культуры в России. XVIII - начало XX вв. Сборник документов. М., 1978. С. 303-304.
17. Там же. С. 123.
18. Там же. С. 210.
19. Толстой А.К. Собр. Соч. В 4-х т. М., 1969. Т. 4. С. 295-296.
20. Государственно-церковные отношения в России (опыт прошлого и современное состояние). М., 1996. С. 82.
21. Охрана памятников истории и культуры в России XVIII - начале XX вв. Сборник документов. М., 1978. С. 293-294.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛАВРЕНОВА О.А.	
Сакральная семантика пространства	3
СОФРОНОВ С.Г.	
Территориальные аспекты формирования системы православных святынь (на примере русских святых и богородичных икон).....	20
СОКОЛОВА Е.Н.	
Историко-географический анализ формирования и развития монастырской сети на территории Вологодской области	73
ЗАВЬЯЛОВА Н.И.	
Восстановление историко-культурного ландшафта Белопесочского монастыря	85
ВЕХОВ Н.В.	
Православная церковь на Крайнем Севере Архангельской губернии	97
ЮМЖАПОВА М.Д.	
Размещение бурятских монастырей в ландшафте и их планировка	123
СЫРТЫПОВА С.Д., ПЕТУНОВА Н.А.	
Алхана как природно-исторический памятник в Забайкалье (к вопросу типологии культовых традиций кочевников Центральной Азии)	154
ГОЛОВКИН К.Г.	
Обзор законодательных и нормативных актов Российской Федерации о передаче недвижимого имущества культового назначения конфессиональным объединениям (1990-2000 гг.).....	171

Научное издание

НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Информационный сборник № 9

*Н.В. Вехов, К.Г. Головкин, Н.И. Завьялова, О.А. Лавренова,
Н.А. Петунова, Е.Н. Соколова, С.Г. Софронов,
С.Д. Сыртыпова, М.Д. Юмжапова*

Ответственный редактор *Павел Матвеевич Шульгин*

Утверждено к печати Редакционно-издательским советом
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва

Лицензия ЛР № 020730 от 3 марта 1998 г.

Редактор *Ю.С. Макаревич*

Компьютерная верстка и дизайн: *Д.С. Захарьин, Н.П. Лакутина*

Подписано в печать 05.06.2002 г.

Формат 60x84 1/16. Гарнитура академическая.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 11,6. Тираж 500 экз.

Заказ № 729. Цена договорная.

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва
129366, Москва, ул. Космонавтов, 2

Отпечатано в ИПП "Гриф и К°"
300057, г. Тула, ул. Октябрьская, д. 81-а
ЛР № 065454 от 13.10.97
тел.: (0872) 49-76-96

